

СТАРООБРЯДЧЕСТВО: ОПЫТ ТРЕХ СТОЛЕТИЙ

(Юхименко Е. М. Старообрядчество: История и культура. М., 2016. — 852 с., ил.)

История и культура русского старообрядчества являются объектом научного изучения уже более полутора веков. На этой ниве трудились десятки выдающихся ученых XIX — начала XXI в., которыми написаны многие фундаментальные работы, опубликованы сотни старообрядческих книжных памятников и архивных источников по истории церковного раскола. Однако рецензируемая книга обречена на то, чтобы занять в историографии старообрядчества совершенно уникальное место. В этой работе впервые в науке предпринята попытка изучения старообрядчества как целостного явления, исторического и культурного феномена на протяжении около трех веков: от церковных реформ 50-х годов XVII в. до сталинских репрессий. История основных старообрядческих согласий в двух российских столицах и в провинции, экономическая основа и внутреннее устройство отдельных общин, судьбы различных старообрядческих деятелей, идеология и внутрискладовая полемика, литература, книжность, иконопись, медное литье, храмостроительство — таков далеко не полный перечень рассмотренных в книге вопросов. Кажется бы, столь многоаспектный, комплексный подход, требующий специальных знаний в самых разных областях, по силам только коллективу авторов.

Но автор один — Е. М. Юхименко, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела рукописей Государственного исторического музея (Москва). Появлению этой книги предшествовали другие капитальные работы автора, посвященные книжности старообрядческого Выго-Лексинского общежития в Обонежье, истории и культуре Рогожского кладбища, московских поморцев, альбомы и каталоги музейных выставок ГИМ, частных собраний¹ и т. д. Впрочем, рецензируемая книга лишь в малой степени повторяет более ранние работы Е. М. Юхименко, ни в коем случае не являясь их компиляцией. Это оригинальный труд с четко продуманной концепцией, основанный на новом фактическом материале и опирающийся на результаты многолетних источниковедческих разысканий автора и ее коллег.

Научный текст сопровождается многочисленными высококачественными иллюстрациями — портретами старообрядцев, репродукциями икон, книг, документов, фотографиями храмов и монастырей. Многие публикуемые предметы происходят из частных коллекций (Д. В. Пересторонина, Л. И. Вольфсона, А. М. Иванова и др.) и вводятся в научный оборот впервые. Самостоятельный раздел книги составляет «Современная фотолетопись старообрядчества» (фотоработы иерея Алексея Лопатина). Изданная на высоком полиграфическом уровне, богато иллюстрированная книга является не только глубоким научным исследованием, но и замечательным памятником современного книжного искусства (дизайн К. Е. Журавлева).

Исследование состоит из трех частей. Первая из них, наиболее объемная, посвящена истории старообрядческого движения в XVII — начале XX в. Вполне закономерно, что изложение начинается с «истоков» — с церковных реформ патриарха Никона, соловецкого (1668—1676 г.) и московского стрелецкого (1682 г.) восстаний, подвига протопопа Аввакума и его пустозерских «союзников», причин разделения старообрядчества на два направления — поповство и беспоповство. Однако поскольку начальная история старообрядчества разработана в науке наиболее тщательно, Е. М. Юхименко уделяет основное внимание событиям с рубежа XVII—XVIII в. по начало XX в. В книге прослеживается история целого ряда поповских и беспоповских старообрядческих центров: Выго-Лексинского общежития, Керженца, Ветки, Стародубья, Иргиза, Рогожского и Преображенского кладбищ в Москве, Громовского кладбища в Петербурге, Мониинской поморской молельной, Братского двора филипповцев и целого ряда других, включая некоторые домашние молельные. Изучена также история разных старообрядческих согласий, представленных на территории Ярославского края, Каргополья, Поволжья, Урала и Сибири. Причем все эти центры — столичные и региональные — показаны не изолированно друг от друга, но в их тесной взаимосвязи, с их разногласиями и преемственностью. В частности, автором приводятся многочисленные факты духовного влияния Выго-Лексинского общежития на старообрядческие общины в Москве, Петербурге и регионах.

¹ Библиографию работ Е. М. Юхименко по церковной истории см. в: [Юбилей Елены Михайловны Юхименко].

Благодаря столь масштабной и панорамной картине становления и распространения старообрядчества по всей российской территории на протяжении нескольких столетий в сознании читателя складывается единый живой образ старообрядчества в его непрерывном развитии. Излишне говорить, что для создания такой панорамы требуется не только незаурядная эрудиция, но и умение правильно выстроить композицию и поистине «эпическое» мышление, получившее в данном случае не художественное (невольно напрашивается сравнение с Л. Н. Толстым), но строго научное воплощение.

В работе очень органично совмещаются общий и конкретный планы. Профессиональный источниковед, «музейщик» Е. М. Юхименко скрупулезно анализирует отдельные предметы, литературные сочинения, документы, вникает в суть фактов и событий. История старообрядческих центров представлена преимущественно «в лицах»: перед читателем разворачивается целая галерея старообрядческих иноков, иерархов, начетчиков и книжников, иконописцев, купцов и фабрикантов (выговские киновиархи братья Денисовы, Сергей Иргизский, белокриницкий митрополит Амвросий, И. Г. Кабанов, Е. Я. Карев, братья С. Г. и Ф. Г. Громовы, И. А. Ковылин, Ф. А. Гучков, Г. Л. Скачков, С. С. Гнусин, А. Яковлев (Балчужный), П. П. Кокушкина, род благотворителей купцов Долгих и многие другие). Некоторые судьбы или отдельные биографические факты восстановлены самой Е. М. Юхименко — на основе архивных источников и литературных сочинений. Имена, частные факты и события, несмотря на их обилие, не подавляют читателя, поскольку четко включены в общую историческую канву повествования. Переход от общего плана к конкретному и наоборот строго подчинен безупречной научной логике. Можно пожалеть лишь об отсутствии в книге именного и предметно-тематического указателей, которые облегчили бы читателю поиск нужной информации.

Во второй части своего исследования Е. М. Юхименко обращается к дискуссионным вопросам в изучении старообрядчества, пытается развенчать устоявшиеся в науке и общественном мнении «мифы». Главный вопрос, который обсуждается здесь, — взаимоотношения старообрядчества с государственной властью в XIX—XX в., степень оппозиционности сторонников «древлего благочестия» по отношению к ней и их поведение в кризисные периоды российской истории, во время войн и социальных потрясений. Отправной точкой в исследовании этого вопроса послужило расхожее мнение о коллаборационизме старообрядцев во время Отечественной войны 1812 г.: московские федосеевцы с Преображенского кладбища якобы приветствовали Наполеона и вынесли ему хлеб-соль. В книге приводится целый ряд неоспоримых доказательств несостоятельности этой легенды, сложившейся, по-видимому, уже в 1812—1814 г.: старообрядческие сочинения о Наполеоне-антихристе, большое число старообрядческих имен в «Списке купцов-жертвователей на нужды войны 1812 г., награжденных бронзовой медалью Дома Московского градского общества», отсутствие каких-либо намеков в документах того времени на предосудительное поведение старообрядцев в период оккупации Москвы французами, свидетельство очевидца событий на Преображенском кладбище осенью 1812 г. и др. В равной мере, как убедительно доказывает Е. М. Юхименко, нет никаких оснований подозревать старообрядцев в антипатриотических настроениях и во время русско-японской и Первой мировой войн. В старообрядческих храмах проходили молебны «о победе на враги», на Рогожском и Преображенском кладбищах были организованы лазареты для больных и раненых русских воинов, в пользу армии собирались денежные средства. Наконец, старообрядцы сами принимали участие в боевых действиях в составе российской армии, а в число военных священников входили и старообрядческие пастыри, отправлявшиеся на фронт для удовлетворения духовных нужд своих одноверцев. В 1917 г., в грозные предреволюционные дни, единственной законной властью в стране старообрядцы считали Временное правительство, выступали за выборы в Учредительное собрание, в которых и сами намеревались участвовать, пророчески предупреждали о катастрофических для России последствиях в случае насильственного захвата власти. Именно о такой позиции старообрядцев «всех согласий», признававших только мирное, правовое разрешение политического кризиса 1917 г., свидетельствуют публикуемые Е. М. Юхименко документы старообрядческих собраний и съездов.

Обнародованные Е. М. Юхименко материалы и сделанные на их основе выводы о поддержке старообрядцами XIX — начала XX в. государственной политики и об их «верноподданических чувствах» действительно расходятся с работами ряда отечественных историков, склонных акцентировать как раз протестные, антимонархические настроения старообрядцев. В решении этого вопроса следует, вероятно, исходить из того очевидного факта, что идеология старообрядчества не была единой в разных согласиях

и претерпевала свою эволюцию. Если обратиться к более широкому кругу источников, то в сочинениях старообрядцев несложно найти не только антимонархические настроения, но и откровенно анархические взгляды, отрицание государственной власти как таковой. Достаточно прочитать сочинения инок Евфимия (вторая половина XVIII в.), лидера старообрядцев-странников, который объявлял антихристом Петра I и всех последующих российских императоров, считал российскую армию «антихристовой ратью», а в государственной символике усматривал дьявольскую природу [Сочинения инок Евфимия; Мальцев; Гурьянова]. Последователи Евфимия развивали эти идеи и много позднее: страннические сочинения встречаются в большом числе списков в сборниках XIX–XX в. Пожалуй, в обобщающей работе о старообрядчестве, каковой является рецензируемое исследование, стоило бы — ради более объективной картины — осветить и воззрения его радикального крыла.

Заключительный раздел второй части посвящен судьбе старообрядчества в период репрессий 1920–1950-х годов. Здесь публикуются материалы из истории «старообрядческой Голгофы»: страшные свидетельства трагической участи и самих старообрядческих центров (Громовской общины, Братского двора, нижегородской поморской общины, Дубческих скитов в Сибири и др.), и отдельных людей. Особенно сильное впечатление в этом разделе производят письма старообрядцев и мемуарные источники. Не умеющим и не желающим «приобщиться» к «светлому и радостному труду строительства социализма и нового быта» предстает в своих письмах Я. А. Богатенко, сын епископа Рязанского Александра, иконописец, публицист, регент, обвиненный в «антисоветской агитации» по печально знаменитой 58-й статье и погибший в саратовской тюрьме в 1941 г. О разорении в 1951 г. отрядами министерства госбезопасности затерявшихся в таежных сибирских лесах Дубческих скитов вспоминает писатель-старообрядец А. Г. Мурачев: чекисты, согласно его мемуарам, действовали так, как будто «захватили неприятельскую крепость», жгли книги, избивали молодых и стариков.

Но, как отмечает Е. М. Юхименко, даже в таких невыносимых условиях старообрядцам удавалось сохранять веру и человеческое достоинство. Постоянную Божию помощь на протяжении всех десяти лет (1933–1942), проведенных в лагерях, испытывал на себе епископ Петроградский (Ленинградский) и Тверской Геронтий (Лакомкин). Он рассказывает о том, как удавалось ему, несмотря на «тысячу обысков», сохранять в лагере Святые Тайны, как возвращались к нему отобранные надзирателями церковные книги, как за все эти десять лет он болел только полтора месяца и «работал на совесть» — во всем этом он видит Божии чудеса («Чудные дела Божии!»). Не отчаяние и страх, но смирение и радость от осознания Божия присутствия составляют суть его лагерных заметок. При чтении этих строк невольно вспоминается протопоп Аввакум, которому его жизнь — жизнь страдальца — представилась однажды в видении в образе корабля, «красоты и доброты» которого «ум человек» вместить не может.

Вероятно, права Е. М. Юхименко, утверждая, что утраты старообрядчества в послереволюционные десятилетия были «значительны, как никогда». Однако старообрядчество выстояло, как выстояло когда-то во второй половине XVII в.

Заключительная часть исследования впервые столь целостно знакомит читателя с культурным наследием старообрядцев. Этот раздел книги также характеризуется широчайшим историческим и территориальным охватом материала. Объектом изучения является здесь разносторонняя деятельность старообрядцев по сохранению культурных ценностей Древней Руси, их достижения в области литературы, книгописания, иконописи, медного литья, их роль в культурной жизни России. Стремление старообрядцев сберечь традиции дониконовской Руси проявилось в собирании библиотек, иконописных коллекций, реставрации древних памятников.

Е. М. Юхименко выделяет три вида старообрядческих библиотек: библиотеки крупных старообрядческих центров, библиотеки отдельных общин и частные библиотеки. В книге содержатся сведения о формировании и судьбе библиотек Выго-Лексинского общежития, Рогожского кладбища, московского купца И. Н. Царского, других частных собирателей. Драматично сложилась судьба уникальной по богатству выговской библиотеки: после закрытия общежития в 1850-е годы она была перевезена в Петрозаводск, но как единое собрание не сохранилась и считалась утраченной. В настоящее время в различных рукописных собраниях Москвы, Санкт-Петербурга и Петрозаводска Е. М. Юхименко удалось разыскать 75 рукописей и 9 печатных книг из этой библиотеки.

В сфере иконописания старообрядцы противостояли западному влиянию, пытались бороться с поновлениями в изображении перстосложения (в частности, на покрове на раке с мощами св. Анны Кашинской), в своем иконописном искусстве подражали древним образцам. Глубокие познания старообрядцев в древнерусской иконописи, применение ими в разоблачении подделок и поновлений методов сравнительного и критического анализа позволяют, по мнению Е. М. Юхименко, считать их «первыми искусствоведами». Как отмечает автор, в XIX — начале XX в. старообрядцы оказали влияние и на научную традицию, внесли большой вклад в открытие и изучение древнерусской живописи.

Старообрядческий мир не только бережно сохранил древнерусское духовное наследие, но и сформировал на его основе собственные традиции в области книжности, литературы и искусства. Самостоятельные разделы этой части исследования посвящены книжному делу, иконописанию и медному литью, в изучении материала вновь избран территориальный принцип (Выг, Москва, Гуслицы, Сызрань, владимирские села; отдельно рассмотрено творчество нижегородского художника-книгописца И. Г. Блинова), позволяющий представить различия в почерках, стилистике и художественной манере целого ряда поповских и беспоповских центров. Филолог по образованию, Е. М. Юхименко демонстрирует высокий профессионализм в области искусствознания, одинаково свободно анализируя иконописные стили и художественные особенности книжного декора и орнаментики мелкой пластики различных старообрядческих школ. Практически о каждом исследуемом предмете приводится новая информация (не говоря уже о том, что многие из них публикуются впервые); универсальные познания автора в разных областях позволяют рассматривать тот или иной предмет в единстве искусствоведческих, историко-литературных и историко-церковных данных. Так, иконография и состав медных выговских складней исследуются Е. М. Юхименко в соотнесении их с храмовыми праздниками пустыни и сочинениями выговских книжников, что дает возможность уточнить их актуальную для Выга семантику и цели изготовления. Старообрядческое искусство, как убедительно показывает автор, не было герметически замкнутым на самом себе, но являлось частью общерусского (выговское барокко, русский модерн). Очевидно, что эта часть рецензируемого исследования, включающая также многочисленные иллюстрации рукописей, икон и складней, может быть полезна и в сугубо практических целях, например, в музейной работе по атрибуции тех или иных предметов, при определении принадлежности их к конкретной школе или даже конкретному мастеру.

Старообрядческая литература — тема совершенно необъятная, поэтому Е. М. Юхименко поступила вполне разумно, представив обзорно и кратко лишь наиболее известные этапы в ее развитии, уделив основное внимание «сводным трудам». Рассмотренные здесь обобщающие («сводные») сочинения (прежде всего Дьяконовы ответы (1719 г.) и Поморские ответы (1723 г.)) преследовали цель создания единого корпуса аргументов, книжных и церковно-археологических, в пользу древних обрядов. Изучение этих сводов показало, какое большое число разнообразных источников, в том числе изобразительных, было привлечено старообрядцами для их составления.

К «сводным трудам», представленным в рецензируемой книге, принадлежит и крупнейшее старообрядческое предприятие в области агиографии — Выговские Четии Минеи XVIII в. Шесть томов из этого двенадцатитомника были найдены сравнительно недавно самой Е. М. Юхименко в Каргополе, в библиотеке последнего представителя московской филипповской общины М. Ю. Орловского (1948—2010). Нужно отметить, что М. Ю. Орловского хорошо знали и многие другие исследователи (в их числе и автор этих строк), поскольку он регулярно посещал конференции Каргопольского музея. С ним общались фольклористы, искусствоведы, археографы, исследователи старообрядчества, которым он нередко показывал и книги из своей библиотеки. Тем не менее нет ничего случайного в том, что именно Е. М. Юхименко удалось обнаружить в его библиотеке Выговские Четии Минеи и приобрести их для государственного хранения. Эта находка является одним из наиболее значимых археографических открытий начала XXI в. В связи с Выговскими Минеями в книге рассмотрены и другие начинания выговцев, свидетельствующие об их стремлении к систематизации сведений о святых: «Слово воспоминательное о святых чудотворцах, в России воссиявших» Семена Денисова и икона «Образ всех российских чудотворцев», созданная Даниилом Матвеевым.

И наконец, последнее: в историографии старообрядчества книга Е. М. Юхименко является, пожалуй, первым фундаментальным исследованием, в котором прослеживается столь уважительное

отношение автора к старообрядцам. Как сказал один из участников презентации книги, состоявшейся в московском Доме русского зарубежья им. А. Солженицына 15 ноября 2016 г., старообрядческий священник о. Леонтий Пименов, работа написана «благожелательным языком». Действительно, в сознании читателя формируется позитивный образ старообрядчества, хотя автор не избегает разговоров и о его внутренних противоречиях. Причем «апологетический эффект» менее всего создается благодаря прямым оценкам автора, которых в исследовании не так уж много. О положительной в целом роли старообрядчества в истории России красноречиво свидетельствуют сами факты, опубликованные документы, сохраненные старообрядцами национальные традиции и культурные ценности, созданные ими шедевры изобразительного и книжного искусства. Вопреки мнению русского религиозного философа, старообрядцы, в большинстве своем, искали не «выключенности из истории и жизни» [Флоровский, с. 73], а, напротив, исторического и культурного единства, гармонии между прошлым и настоящим, не разрушения, но созидания. Во всяком случае, богатейший материал, опубликованный в книге Е. М. Юхименко, неизбежно подводит читателя к такому выводу.

Новая книга Е. М. Юхименко, несомненно, является ярким событием в современной научной и культурной жизни и будет с благодарностью принята читателем.

Литература

- Гурьянова Н. С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе позднего феодализма. Новосибирск, 1988.
- Мальцев А. И. Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1996.
- Сочинения инок Евфимия (тексты и комментарии). Новосибирск, 2003.
- Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.
- Юбилей Елены Михайловны Юхименко // Вестник церковной истории. 2010. № 1–2 (17–18). С. 359–371.